

В начале октября 1875 г. к столице Монголии Урге медленно приближался большой караван из Лхасы. Путь через пустынное северное нагорье Тибета, через пески и степные просторы Монголии занял 19 месяцев. Караван вёз пятилетнего мальчика. Родители – родовитые тибетские помещики, братья, учителя, доктора, возчики, охранники, а также многочисленные монгольские князья со своей челядью, сопровождавшие караван, с почтением, страхом и нежностью смотрели на своенравного мальчугана, ничуть не смущённого неожиданным вниманием. Он был признан тибетскими и монгольскими монахами реинкарнацией недавно умершего главы монгольской церкви Джебдзун Дамбы хутухты VII и теперь должен был занять его престол. Европейские путешественники называли такие реинкарнации «живыми богами», потому что, по буддийскому вероучению, они – земные воплощения божеств или святых. Джебдзун Дамба хутухта считался перерождением одного из пятисот учеников Будды Шакьямуни. Монголы называли его *Богдо-гэгэн* («Светлейший святой»), хотя у него было личное имя, данное Далай-ламой при посвящении в монахи, – «простое» тибетское имя Джебдзун-Агван-Лобсан-Чойджиням-Данцзин-Ванчиг-Балсампо.

Почему перерождение монгольского иерарха было найдено в Тибете? Почему Джебдзун Дамба хутухта не воплотился где-нибудь на монгольских просторах? Ответы на эти вопросы надо искать в перипетиях политической истории Монголии.

Тибет и Монголию связывала не только общая религия – буддизм, но и близость к великому Китаю. На протяжении двух веков они сосуществовали в составе единой Цинской империи. Императоры Китая не хотели иметь под боком сильного монгольского лидера. Выбери монгольские князья главой своей теократии, являвшегося фактически лидером всего народа, какого-нибудь прямого потомка Чингисхана, такая опасность была бы реальной. Нет, китайским властям лучше было иметь на этом престоле человека, не связанного с монгольской знатью родовыми узами.

Если бы не хитроумные монахи-царедворцы, этот маленький мальчик стал бы, как и его отец, родовитым

Анна Дамдиновна Цендина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ.

VIII Джебдзун Дамба хутухта или Богдо-гэгэн.

тибетским сановником, взял бы жену, а то и две, народил побольше сыновей и дочерей, развлекался охотой и пирами, ходил на богомолье в святые буддийские места, торговал с индийскими, китайскими, кашмирскими купцами, приглашал бродячих певцов-сказителей – в общем, жил бы обычной жизнью тибетского князя. Но выбор пал на него, и мальчик стал главой монгольской церкви.

Теперь он должен был учиться, принять монашеский сан, вести религиозные церемонии, присутствовать на многочасовых церковных и светских празднествах. И ещё – отказаться от семейной жизни. Буддийское монашество так называемой «жёлтошапочной» секты, утвердившейся в Тибете и Монголии, придерживается целибата...

– Иди сюда! – Богдо требовательно посмотрел на молодую круглолицую служанку князя Цогбадраха, сопровождавшего его в поездке в монастырь Амарбаясгалан на поклонение мощам предыдущего Богдо-гэгэна. Его сместили растерянность девушки, её испуганный взор. Но он продолжал играть роль грозного полубога.

Дондогдулам – так звали служанку – не смела поднять глаз. Она испытывала страх и благоговение перед этим худым, темнотлицым и капризным молодым человеком. Девушка видела, как по дороге из Урги в Амарбаясгалан люди падали ниц в пыль и грязь, лишь завидев Богдо, как они низко склоняли головы, стремясь получить его благословение, как считали счастьем коснуться полы его халата или вещей, которые он брал в руки. Она знала, что у дворца каждый день толпится народ, жаждущий притронуться к длинной верёвке, спущенной из его покоев и причаститься таким образом к его святости. И теперь этот богочеловек настойчиво требует её подойти к нему. Зачем? Дондогдулам была умной девушкой и поняла, что Богдо и не думает причинить ей вред.

У восемнадцатилетнего Богдо уже был опыт общения с женщинами, и нема-

лый. Ещё подростком он влюбился в жену одного князя. Её звали Норов. Они несколько лет тайно встречались и «соединяли края халатов», как говорят монголы. Она родила от него дочь. И долго ещё красавица Норов, уже вдова, без стеснения появлялась со Святейшим вместе. Но в молодой служанке, встретившейся ему теперь, было так много неторопливой грации истинной степнячки, в ней чувствовался такой глубокий природный ум и сильный характер, кроме того, она так вольно и преданно отдалась ему, что Богдо понял: эта

Резиденция Богдо-хана.

Сакральный Орнамент, вышитый на тыльной стороне светского облачения Богдо-хана.

простая девушка ему нужнее всех высоко-
родных подруг, которых он знал до неё...

– Как ваше драгоценное здоровье?

Почтенный лама ургинского монасты-
ря принял из рук слуги пиалу с густым, за-
правленным молоком чаем и с шумом от-
пил из неё.

– Вполне благополучно. А как вы пере-
зимовали?

Влиятельный князь, хозяин нарядной
юрты, неторопливо, с достоинством при-
ветствовал высокого гостя. Он не спешил
начинать важный разговор.

– Слава бурхану, бескормица в этом
году миновала степи.

– Обойдут ли нас стороной другие бе-
ды? Не разгневались бы духи и демоны на
чрезмерное усердие нашего Святейшего
в облажении своего брэнного тела и на
пренебрежение старинными обычаями
нашего ордена.

– Как вы прозорливы! Вы угадали при-
чины моего приглашения. Именно беспок-
ойство о положении вокруг Богдо и за-
ставило меня и моих друзей позволить се-
бе отнять толику вашего бесценного вре-
мени, посвящённого молитве и прочим
святым делам.

– Боюсь, ничто уже не сможет нас спас-
ти, и дождь несчастий обрушится на наши
головы.

– Достопочтенный учитель! Если Богдо
не в силах оставить известную нам женщи-
ну, не кажется ли вам, что следует исполь-
зовать данное обстоятельство нужным об-
разом и обратить вредное в полезное?

– Вы говорите загадками, уважаемый
князь.

– Положение в мире тревожное. Нам
нужен хан, сильный лидер, который смог бы

**Светское
торжественное
облачение
Богдо-хана.**

объединить нас и привести к независимо-
сти нашего государства, завещанного ве-
ликим Чингисханом. Кто может быть та-
ким ханом, кроме Святейшего? А хану нуж-
на ханша. И кто может быть ханшей, кроме
Дондогдулам?

– Как вы могли допустить даже мысль
о нарушении устава нашей общины, ко-
торый, как вы хорошо знаете, очень
строг в вопросе плотских утех и семей-
ной жизни!

– О, учитель! Ни одной монадой своего
беспечного ума я не хотел подвергнуть
исконные законы нашей религии такому
несправедливому пересмотру. О нет! Но
её алмазное учение тантризма допускает
и даже приветствует получение высокими
адептами нашей веры особой энергии
от женщин, наделённых божественным
даром и отмеченных знаком высшей си-
лы. Как говорят мне мои малые познания,
в этом случае союз адепта с его избранни-
цей не рассматривается как плотские от-
ношения, а имеет касательство исполне-
ния тайных практик. Наш Богдо, несо-
мненно, обладает могучей силой адепта
алмазного учения. Но не послана ли ему

Дондогдулам для исполнения его святого предназначения? Тогда их союз будет угоден высшим и понятен низшим.

– Ваша мудрость достойна преклонения, уважаемый князь.

Конечно, такого разговора в действительности не было. Но он мог бы состояться, так как объясняет то, каким способом светская и церковная элита Монголии разрешила вопрос о браке Богдо с Дондогдулам и о возведении его на ханский престол. Монахи ургинских монастырей совершили тридцатидневный молебен «очищения» девы, возвели её в ранг реинкарнации богини Белой Дара-эхэ и признали женской половиной Святейшего. В 1904 г. возлюбленная Богдо-гэгэна поселилась с ним в одном дворце на правах жены.

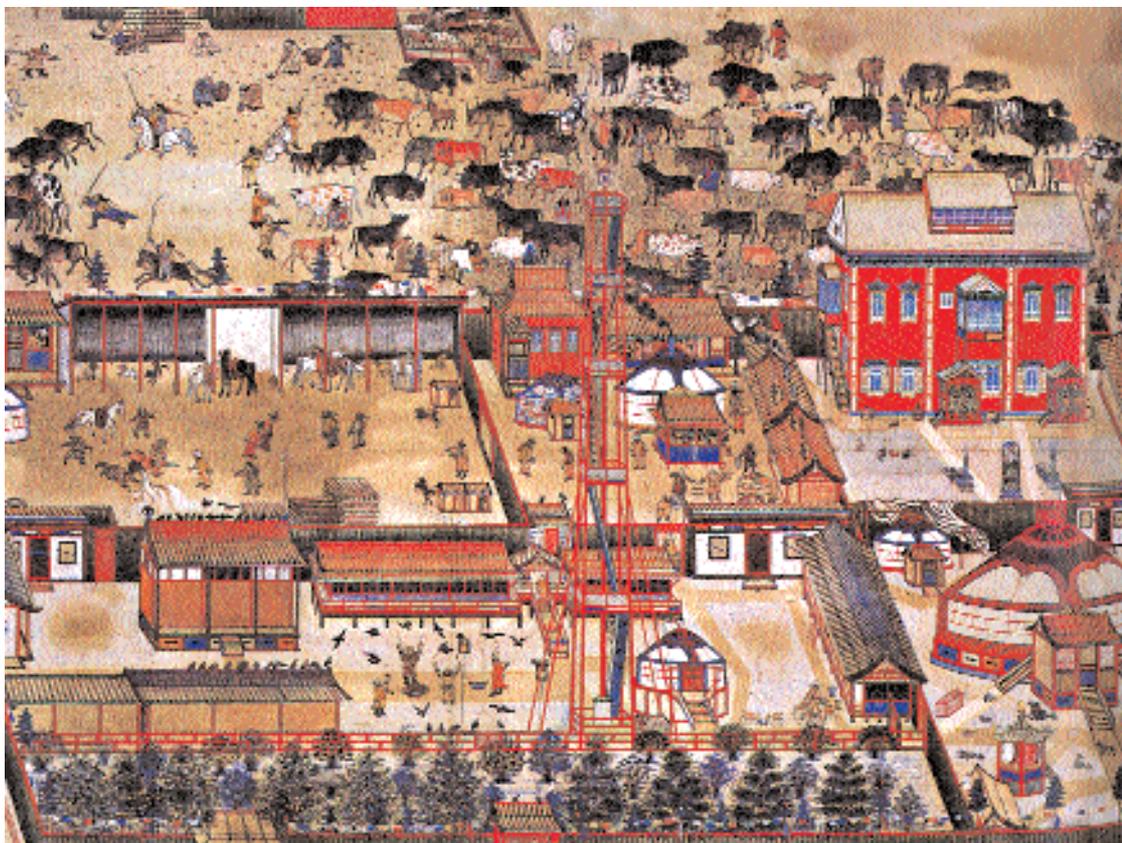
Однако этот счастливый союз не означал наступления спокойствия и размеренности в политической судьбе и личной жизни Богдо-гэгэна. Драматические события продолжали сотрясать небольшой дворец, выстроенный в отдалении от города по примеру летней резиденции далай-лам в Лхасе, который он наполнил всякой всячиной: статуэтками будд и бодхисаттв, другими буддийскими реликвиями, техническими приспособлениями из Европы, неви-

**Жена Богдо-гэгэна Дондогдулам (1874–1923).
Рисунок Марзан Шарав.**

данными в Монголии птицами и зверями (в саду гуляли слон, обезьяны, зебры), заморскими диковинами, оружием, музыкальными инструментами из разных стран, драгоценными камнями и прочим.

Резиденция Богдо-хана. Рисунок неизвестного художника. XIX в.

VIII Джебдзун Дамба хутухта или Богдо-гэгэн.
Апликация. XIX в.

Главным событием для Монголии этого периода, а может быть и всего XX в., была Синьхайская революция в Китае в 1911 г., провозгласившая республику, что привело к обретению Монголией независимости.

В том же году Богдо-гэгэна возвели на престол хана Монголии, как и мечтали об этом монгольские князья. Он стал Богдо-ханом – «Святым ханом». Но путь к независимости Монголии был не так прост: в 1919 г. китайские войска, пытаясь вернуть утраченное, вошли в Ургу и захватили Богдо-хана вместе с его правительством. Здесь начинается такое сгущение событий, такое стремительное их развитие, что порой у исследователей голова идёт кругом.

В 1921 г. бедного Богдо освободил барон Унгерн, вошедший с белогвардейской Азиатской конной дивизией в Монголию, чтобы прогнать оттуда китайцев, создать там священную буддийскую монархию и с её помощью свалить большевистский режим в Сибири. С китайцами он действительно расправился, но монархию создать не успел, так как был схвачен частями Красной армии, ворвавшимися в Монголию. Получивший власть Сухэ-Батор по совету просвещённых людей, понимавших, что свержение Богдо-хана приведёт к яростному сопротивлению народа, обратился к нему с предложением остаться на престоле. Богдо принял его.

Богдо-хан жил не только политикой (современники признавали его весьма

Вид Урги. XIX в.

способным политическим и государственным деятелем). Далеко не только политикой. Страсть к винопитию и другим телесным утехам, то есть ко всему тому, что так строго запрещала его религия, больше и больше овладевала им. Молодые служанки, городские красавицы, понравившиеся ему во время церемоний или проезда по улицам столицы, разбитные жёны знатных ургинских князей – кто только не прошёл через дворец! И алкоголь. Богдо пил почти каждый день: шампанское, коньяк, не гнушался и молочной водки. Дондогдулам не обращала на это внимания – она сама с удовольствием участвовала во многих весёлых предприятиях мужа. Во всяком случае, частенько с Богдо посещала семью русских купцов, где они все вместе крепко и основательно пьянствовали. Дондогдулам любила стрелять из лука, ловить рыбу, воспитывала приёмных детей, бранила слуг, одним словом, не ограничивала себя никакими правилами, запретами и обетами.

Не сильно волновала Дондогдулам и другая страсть мужа-бога. Он с юности был склонен к общению с молодыми людьми. Такого рода услады были довольно широко распространены в монгольских монастырях, населённых исключительно монахами мужского пола, и практиковались в основном немолодыми, заслуженными ламами. Эти отношения не вызывали у людей слишком сурового осуждения...

Свет от многочисленных лампад, поставленных перед изображениями бурханов на алтаре, не рассеивал темноты в храме, наоборот – делал её тревожней. Лица двух молодых лам, приглашённых Богдо-гэгэном, были насторожены.

– Я пригласил вас, чтобы вы помогли мне совершить молитву, – тихо произнёс Богдо. – Вы знаете, что сейчас, в это неспо-

койное время, ради спасения всех живых существ от бедствий грядущей эпохи разрушения я должен быть как можно крепче духом. К сожалению, земные суетные дела не дают моему разуму и сердцу обрести божественный покой, столь необходимый для погружения в молитву. Всему виной мой молодой друг, сын Чимида. Он переходит границы дозволенного и мешает мне вершить дела церкви и государства. Обстоятельства и высшие силы требуют немедленного устранения его из дворца. Лучше это сделать ночью, когда все будут спать.

...Когда Богдо заприметил этого смазливового молодого человека, тот жил на окраине Урги в старой бедной юрте. Уже через два года юноша разбогател, стал пользоваться всеми привилегиями монгольского аристократа. Роскошно одевался, посещал лучшие дома, выезжал в город в одной повозке с Богдо и Дондогдулам. «Который из них Богдо-гэгэн?», – насмехались городские шутники. Конечно, он вёл себя не так, как прошлый друг Богдо Лэгцэг, который однажды в приступе ревности избил владыку, а потом ночью полоснул его ножом по ягодице. Но и сын Чимида (а под таким прозвищем он остался в народной памяти), как многие фавориты, переоценил своё влияние на патрона. Его капризы, ревность, просьбы, приказы скоро начали тяготить монгольского хана.

Через семь дней он скончался в тюрьме. Начальник тюрьмы был щедро награждён.

В 1923 г. умерла Дондогдулам. Богдо женился вторично. Но молодая ханша не стала ему другом. Возможно, просто не успела. Её манили увеселения, праздничная жизнь во дворце, встречи, молодые люди, пиры, что было уже не по силам дряхлеющему и слепнушему Богдо. Он ушёл из жизни 17 апреля 1924 г. Ему было 54 года.

Монастырь Амарбаясгалан, где находятся усыпальницы Джебдзун Дамба хутухт.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:
Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971;
Цултэм Н. Монгольская национальная живопись «монгол зураг». Улан-Батор, 1986;
Dschingis khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Б. М., 6. г.